

Спиркина, 2023 – *Спиркина А. К.* Роль молчания в производстве социального порядка медитации (на примере випассаны) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. №2. С. 389-403.

Хайдеггер, 1997 – *Хайдеггер М.* Бытие и время. М.: Ад Маргинем, 1997. 452 с.

Чжоу, Вэйвэй, 2022 – *Чжоу С., Вэйвэй Ч.* Ретритная духовная практика и антропология аскезы в романе В. Маканина "Предтеча" // Мир русскоговорящих стран. 2022. №4 (14). С. 110-125.

Эксперты подсчитали..., 2024 – Эксперты подсчитали доходы от сельского туризма в России // РИА НОВОСТИ URL: <https://ria.ru/20230606/agroturizm-1876497995.html> (дата обращения: 17.10.2024).

Юнгер, 2020 – *Юнгер Э.* Уход в лес. М.: Ад Маргинем, 2020. 144 с.

Bronkhorst, 2020 – *Bronkhorst J.* 'Historical Context of Early Asceticism', in Gavin Flood (ed.), *The Oxford History of Hinduism: Hindu Practice.* Oxford. 2020. P. 62-78.

УДК: 316.752+17: 2+16+ 316.7

Петев Н. И.,

кандидат философских наук,

доцент кафедры философии и религиоведения,

Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых

Современная актуализация антиценности: проблема дефиниции в религиозной, социально-идеологической и логической областях

DOI: 10.33979/2587-7534-2025-1-72-86

Данная работа посвящена проблематике инициализации и интеграции термина «антиценность» в современном обществе. Основная проблема заключается в том, что у данного феномена отсутствует как чёткая дефиниция, так и конкретно сформированное представление о его содержании, учитывая тенденцию к его радикальной автономии от ценности. Основной целью данной работы является выявление возможности установления дефиниции антиценности как самостоятельной и самодостаточной. Для достижения этой цели было выбрано несколько областей аксиологического анализа: религиозная, социально-идеологическая и логическая. В работе был использован комплекс методов: диалектический, сравнительный, методы анализа, а также метод моделирования. Кроме того, были использованы этический и религиоведческие подходы. В результате, в статье обосновывается невозможность установления дефиниции антиценности через исследуемые в работе сферы (области).

Ключевые слова: *ценность, антиценность, бинарная оппозиция, нуминозное, логика, потребительство, конформизм, кризис.*

Petev N. I.,
*Candidate of philosophy,
 Associate professor of department of philosophy and religious studies,
 Vladimir State University*

Modern actualization of anti-value: the problem of definition in religious, socio-ideological and logical fields

This work is devoted to the problems of initialization and integration of the term «anti-value» in modern society. The main problem is that this phenomenon lacks both a clear definition and a concretely formed idea of its content, given the tendency towards its radical autonomy from value. The main purpose of this work is to identify the possibility of establishing the definition of anti-value as independent and self-sufficient. To achieve this goal, several areas of axiological analysis were chosen: religious, socio-ideological and logical. A set of methods was used in the work: dialectical, comparative, analytical methods, as well as a modeling method. In addition, ethical and religious approaches were used. As a result, the article substantiates the impossibility of establishing the definition of anti-value through the spheres (areas) studied in the work.

Keywords: *value, anti-value, binary opposition, numinous, logic, consumerism, conformism, crisis.*

Введение

В настоящее время термин «антиценность» часто используется как в академической литературе, так и в иных, в том числе масс-медийных источниках. Его применяют для обозначения явлений не-ценностного, деструктивного, разрушающего характера, действия которых настолько негативны, что способны уничтожить ценность, т.е. аксиологическое содержание. Наличествуют работы, которые через хронопсихолингвистический подход рассматривают влияние ценностей и антиценностей на восприятие и интерпретацию образов языкового сознания в разных культурах [Ilyina, 2020]. Произведена попытка классификация антиценностей через призму лингвистических изысканий [Ильина, 2022]. Аналогичная попытка проведена в рамках анализа художественной литературы [Georgieva-Teneva, 2022]. Кроме того, в парадигме систематизации создаётся таксономическая модель ценностей и антиценностей во фразеологии языка [Andreyeva et al., 2017].

В подобных работах наблюдается догматическое принятие термина «антиценность» без указания чёткой дефиниции. Он используется как устоявшаяся часть традиционной аксиологической терминологии, что в действительности является ошибочным. Также стоит указать, что в некоторых

работах наблюдается смешение понятий отрицательной ценности и антиценности. Кроме того, некоторые исследования основаны на социологических опросах. В результатах не только доминирует казуально-субъективный момент, но и возникает вопрос о компетенции и корректности респондентов. Отметим следующее определение антиценностей, которое встречается в академической литературе: антиценности – это не природные, а социальные явления, связанные с межличностными отношениями, отношениями в социуме, и они есть явления материальные, хотя и связанные с духовными отклонениями отдельных личностей и сообществ, организаций людей [Кулаева, 2018: 93]. Установим данное определение как рабочее и рассмотрим его применимость в парадигме иных, не только социальной, сфер. Кроме того, для проведения анализа возможности формирования дефиниции антиценности выбрано несколько областей: религиозная, социально-идеологическая и логическая. Это позволит установить легитимность использования термина «антиценность», в частности как автономного явления, сформировать аксиологическую корректность его использования или, наоборот, покажет его несостоятельность.

Numen и антиценность: религиозный аспект

Предположим, что антиценность можно интегрировать в парадигму религиозных феноменов. Отто Р. указывал, что нуминозная ценность – это иррациональный фундамент и источник всех возможных объективных ценностей вообще [Отто, 2008: 93]. Он определяет ценность «numen» как «Tu solus sanctus» (лат. «Ты единственный святой») и вводит «augustum» («semnon») для подчеркивания нуминозного момента. «Augustum» пер. с лат. как священный, достопочтенный, величественный, августейший, торжественный, достойный уважения, величественный, великолепный, благородный. А «semnon» с лат. пер. как торжественный, предписанный религией, священный, величественный, должный соответствовать определенным формам, чтобы считаться действительным, нечто должное быть признанным (торжественно) обязательным (как закон). Р. Отто использует данные термины для установления нуминозного статуса ἄξια как достоинства (достойного) в парадигме высшей из возможных степеней, т.е. в рамках священного и сакрального.

Вышеуказанное необходимо для освобождения нуминозного как ценности от любой нравственной системы или схемы. Но одной автономией данная демаркация не заканчивается. Отто Р. отмечает, что нуминозная ценность обладает высшим правом предъявлять высочайшее притязание на служение себе [Отто, 2008: 94]. Более того, как «augustum» ценность есть объективная «в-себе». Нуминозная ценность предстаёт как нечто тождественное самой себе. Она обходится лишь своим содержанием и, как «в-себе», не определяема иными предикатами. Последнее предполагает невозможность понятийной дефиниции, в частности как это предполагается в парадигме неоортодоксии. При таком положении вещей встаёт вопрос о том, чем же может быть антиценность. Данный феномен должен иметь характер отрицания. Антиценность может иметь характер посюстороннего как антагонизм нуминозного – потустороннего.

Вместе с тем, Отто Р. отрицает легитимность применения данного определения к *numen* [Отто, 2008: 79], в частности, это понятие никоим образом не служит становлению и инициированию определённого отношения к ценности (почтения) [Отто, 2008: 94]. Также, особенно в рамках материалистической парадигмы, феномены могут быть определены как относящиеся либо к категории естественного, либо неестественного (противоестественного), что противоречит опыту. Лейбниц Г. В. отмечал, что существует кардинальная разница между тем, что противоречит разуму (достоверным и неопровержимым истинам), и тем, что превышает разум (противоречит опыту) [Лейбниц, 1989: 91]. В рамках религиозных представлений нуминозное относится ко второй категории, а потому для него не свойственно содержание противоестественного.

Область *numen* не является чем-то абсолютно трансцендентным. Те или иные явления, с которыми встречался архаичный индивид, вызывающие у него чувство «иног», страха, мистического, а в последующем священный трепет, носили естественный характер. Сюда можно отнести феномен «чуда» [Отто, 2008: 112], или колдовства [Леви-Брюль, 2015: 150, 154], или даже появление политеистических богов как персонификацию стихий природы. Магия представляет собой рецептурные, последовательные действия, которые направлены на сферу сверхъестественного, для реализации собственных потребностей, в частности совершенно естественных. Некоторые народы практиковали наказание фетиша [Энциклопедия религий, 2008: 1318], дабы заставить его выполнить волю группы. Культ вуду предполагает, что при помощи определённого обряда кукла получает непосредственную связь с индивидом, которая позволяет воздействовать на него. Многие религиозные практики предполагают полное или частичное взаимопроникновение сфер религиозного (сакрального) и нерелигиозного (обыденного, профанного). Таким образом, вышеуказанное противоречие «естественное-неестественное» не подходит для определения антиценности.

Бергер П. указывал, что религиозная легитимация придаёт надёжность и долговечность внутренне шатким и переходящим структурам человеческой деятельности [Бергер, 2019: с. 49]. Таким образом, она адаптирует индивида к социальной реальности, делая её для него «своей», и исключает аномию. Религиозные ценности, как, например, Бог, несомненно, являются фундаментальными для вышеуказанных процессов. Антиценности при таком положении вещей должны оказывать деструктивное влияние на социум. Всё демоническое и связанное с главным антагонистом Бога (Дьяволом, Сатаной и т.д.) должно стать содержанием этих феноменов. И действительно, сфере божественного миропорядка (общество является его отражением) противопоставляется область хаоса, неустроенности, деструкции и т.д. Такая дуальность, на первый взгляд, достаточна для обоснования антиценности в рамках религиозной парадигмы. Однако это ошибочное заключение. Во-первых, существуют религиозные системы, в которых поклонение осуществляется как темным, так и светлым божествам. Например, у инков поклонение богам света велось параллельно с почитанием богов тьмы [Боден, 2004: 150]. Если божество

отвечает за негативный аспект (смерть, болезнь и т.д.), оно же было в состоянии избавить просящего от недуга или смерти. В данном случае работает мифологический принцип: «знаешь происхождение вещи или явления, имеешь контроль над ними».

Во-вторых, демоническое включено в божественное мироустройство. Если исключить политеистические религии, где тёмные боги имели статус, аналогичный светлым, в монотеистических религиях, например, христианстве, антагонистические божественные силы (персоналии) играют важную роль. Более того, их деятельность регламентирована и контролируется самим Богом [Махов, 2006: 133-136]. Они являются частью божественного плана (замысла). В-третьих, демонические силы являются неотъемлемым элементом теодицеи. Различные феномены, которые расцениваются как имеющие деструктивные тенденции, являются условиями реализации высшего блага или имеют индифферентный характер. В-четвёртых, демоническое не является противоположной сакральной сферой. Отто Р. отмечал, что грубое, демоническое и т.д. – это неотъемлемые моменты *numen* [Отто, 2008: 174-175]. Религиозное, в том числе включенное в него демоническое и тёмное, является способом преодоления маргинальных ситуаций, которые могут разрушить социальную реальность [Бергер, 2019: 56-58]. Таким образом, то, что первоначально можно было бы определить как «антиценность», т.е. как противоположное ценности, в действительности носит характер последней. Область религиозного (нуминозного) не предоставляет достаточно оснований для фундирования антиценности как автономного понятия и явления, при этом как в рамках дуалистической системы, так и в рамках монизма.

Социально-идеологическая парадигма дефиниции

Вышеуказанное рабочее определение антиценности указывает, что она есть социальные и материальные явления, хотя и связанные с духовной сферой человека. Но всё многообразие ценностей не сводится лишь к социуму и области материального, так как выделяют религиозные, моральные, экзистенциальные, духовные, а иногда даже и эстетические ценности, и все эти разновидности имеют собственную специфику, которую необходимо учитывать в рамках научного изыскания. Эстетические ценности в настоящее время являются развивающейся аксиологической областью. Существует проблема дефиниции данного типа ценностей, причина которой – чувственно-эмоциональный примат, приоритет субъективного, слабая рационализация и объективизация и т.д. Всё это приводит к сложности установления объективности и всеобщности эстетических ценностей. Кроме того, в данной области часто встречается контаминация понятия ценности и эстетических категорий. Таким образом, борьба за чистоту (строгое установление области принадлежности) является важным аспектом адекватного и эффективного изучения того, что получает статус ценности определённой сферы (экзистенция, мораль, религия и т.д.). Нет никакой легитимности установления тождества между социально-материальным и религиозным, духовным, нравственным и т.д., хотя, конечно, связь этих областей несомненна.

Стоит обратить внимание на феномены, которые рассматриваются как антиценности. В список антиценностей попадают явления, начиная от войны, геноцида, убийств и т.д., заканчивая подозрительностью, внушением, дезинформацией. [Кулаева, 2018: 93]. Интернет-источники дают ещё более широкий диапазон явлений, которым устанавливается статус антиценности: начиная от расизма, эгоизма и т.д., заканчивая достаточно абстрактными понятиями как пристрастие, травма, неосторожность, «ненавижу», непримиримость, безразличие, непродуктивный, опоздание и т.д. [Статья/гайд «25 примеров...», 2021; Статья/гайд «Антиценности...», 2021]. Такой «диапазон» антиценностей указывает на субъективно-казуальный или спекулятивный характер группировки явлений, особенно учитывая абстрактный характер некоторых формулировок.

Подобное изобилие является не только проблемным аспектом дефиниции, но и такой эклектичный конгломерат вызывает сомнение. Во-первых, антиценностям имманентно придаётся нравственный примат, не делая корреляцию на то, что существуют и другие аксиологические категории/ряды (экзистенциальные, религиозные, эстетическое и т.д.). Риторика предполагает обращение к сфере морали как высшей инстанции. Но говоря о нравственном, подразумевается чисто социальное, экономическое и политическое. Такая подмена очень эффективна. Подобная «нравственность» является лишь установленным социальным законом/нормой, а также политическими и экономическими правилами игры, которые строго фундированы. Она является приемлемой для индивида в рамках его социально-политического статуса. При таком положении вещей нравственность становится деспотической моралью Ницше Ф. [Ницше, 2018: 126], которая теряет свою живую сопричастность к конкретной ситуации и становится мёртвой системой косных установок. Такой набор может быть использован для оправдания любых репрессивных действий, особенно если это выгодно с точки зрения социальной, экономической или политической телеологии. Кроме того, обращение к подобной химере морали предполагает, что для индивида сохраняется иллюзия собственной индивидуальности, свободы выбора, наличия собственного волеизъявления и т.д., хотя в действительности именно эти аспекты исключаются подобной «мёртвой» системой, что также может быть необходимо для определённых целей.

Во-вторых, происходит контаминация антиценности как некоего автономного феномена и отрицательной ценности. Между ними ставится тождество, однако это в корне не верно, как минимум, по причине собственно этимологии данных феноменов и, как максимум, в рамках разницы их внутреннего содержания. В-третьих, огромный диапазон явлений как в аспекте качественной и количественной характеристики делает практически невозможным дать хотя бы относительно удовлетворительное определение понятию антиценности, а также вообще какие-либо критерии, которые позволят произвести демаркацию данных феноменов и явлений иного ряда. В-четвёртых, наблюдается не только смешение/подмена этических, социальных,

политических и прочих аспектов, но и добавление чисто эмоциональных, бессознательных, иррациональных компонентов. Такой внешне сильный и легитимный синкретизм базируется на отсутствии глубокого понимания/анализа явлений, которым устанавливается статус антиценности, а также навязанной индивиду тенденции к исключению критического мышления. От него требуется лишь принятие догматического постановления, ведь это уже готовый продукт. За индивида уже подумали и оценили, и согласно нормам потребительского общества ему осталось лишь употребить этот дидактический и схоластический продукт.

Попытка формирования понятия антиценности, в котором префикс «анти» не будет тождественен по смысловой нагрузке прилагательному «отрицательная» (т.е. как отрицательная ценность, для которой наличествует противоположная положительная), вызывает больше проблем и редуционных тенденций, чем даёт возможность конкретной дефиниции. Но вместе с тем, в настоящее время наличествует искусственная актуализация исследуемого объекта, что инициировано рядом причин. Неомания современности способна наделять объект или явления качествами, которыми они не обладают (как, например, новый автомобиль у Барта Р. [Барт, 2014: 221-222]). Фетиш новизны – это отличительный признак современного индивида и социума. Паскаль Б. отмечал, что человека привлекает не только привычность понятий, но и прелесть новизны [Паскаль, 2009: 67]. Сила этой «околдованности» хорошо прослеживается в современном мире, особенно в рамках сферы потребления. Новая модель телефона, машины, коллекция парфюма и т.д. вызывают неукротимое желание «обладать этим», постоянно разжигая «аппетит» у человека. Более того, «производство новаторства» рассматривается как критерий успеха в социуме. Хотя в действительности производство отсутствует, а наличествует лишь воспроизводство. Современность устанавливает «новаторство» как показатель социального, экономического, политического и даже экзистенциального превосходства, ведь только новое имеет цену, так как старое является элементом ушедшей эпохи.

Ортега-и-Гассет Х. отмечал, что старое старо не от старости, а от того, что возникает новое и одной только своей новизной внезапно старит всё предшествующее [Ортега-и-Гассет, 2018: 146]. Это справедливо, когда речь идёт о чём-то совершенно новом, что способно «состарить» уже имеющееся. Однако, когда инициализация нового становится «конвейером», который бесконечно выдаёт «нововведения», наблюдается дисперсия самого понятия «новое». Область науки также не является исключением. Следуя декартовскому принципу превращения науки как кустарного метода получения знаний в «фабрику знаний» с производственным потоком, данная область человеческой деятельности также стремится следовать вышеуказанной тенденции, в том числе в погоне за открытием чего-то нового. С одной стороны, это нормальное и естественное состояние науки – приобретение теоретических и прикладных знаний, что презентует её движение вперёд. С другой, подобная погоня может предполагать не открытие, не приобретение знаний, а лишь удовлетворение

требования новизны, что в результате приведёт к девальвации как самого знания, так и процесса его приобретения. Подобное схоже с задачами-головоломками. Их целью не является решение фундаментальных проблем, а проверка способностей, таланта или личное удовлетворение исследователя [Кун, 2020: 66-67].

Кант И. справедливо подметил, что изобретать новое слово (понятие) – значит притязать на законодательство в языке, что редко увенчивается успехом [Кант, 2014: 287]. Подобный подход может привести к тому, что изложенное автором будет не понято остальным или же сам он не будет способен к целостному пониманию содержания того, что он «изобрёл». Подобное наблюдается в попытке дать дефиницию антиценности. Особенно если данным термином стремятся обозначить нечто, что находится вне аксиологической плоскости, т.е. что изолировано и автономно от ценности, в частности, не является частью бинарной оппозиции положительных и отрицательных ценностей. При определении данного «понятия» единственным способом его формирования становится эклектическое объединение и редукция к определенной области (например, социальной). Однако подобное не исключает внутреннее противоречие содержательных компонентов. Ницше Ф. отмечал, что является заблуждением слияние понятий «обретение» («открытие») и «изобретение» [Ницше, 2018: 23]. Первое предполагает вынесение на свет того, что всегда было, но не было известно. Становится оно таковым лишь по причине того, что объясняемо, в том числе в рамках формирования дефиниции (понятия). Последнее, действительно, являясь новым, должно отличаться от имеющегося. Но к нему необходимо применяется то же требование объяснимости и понимания. Говоря об антиценности, можно сказать, что это есть «изобретение». Однако оно есть лишь «изобретение колеса» или даже «изобретение квадратного колеса» – создание бессмысленного артефакта. Для современного поиска нового характерно своеобразное «интеллектуальное забвение», т.е. всё вокруг заново пере-открывается как нечто совершенно новое, непознанное ранее, несуществующее до этого, хотя в действительности в данном случае имеет место лишь искусственная спекуляция. Барт Р., на примере театральных мифов, указывал на стремление к новизне любой ценой [Барт, 2014: 175]. В том числе, ценой потери референции, любого содержания, разрушения имеющихся понятий. Появление антиценности устанавливает девальвацию понятия ценности. Его уже недостаточно, оно устарело и не способно раскрыть диапазон аксиологических элементов, вместе с тем ни обосновывая данное утверждение, ни привнося альтернативы и решения проблемы. Видимая состоятельность антиценности обнаруживается только в её изолированности.

Стоит отметить, что антиценность – это нечто совершенно пустое и абсолютно абстрактное. Ортега-и-Гассет Х. отмечал, что «анти» – пустой жест отрицания, и вместо того, чтобы возвысится над отрицаемым, отрицающее (отрицающий) всегда находится хронологически ниже (до появления того, что отрицается) [Ортега-и-Гассет, 2018: 98]. Таким образом, здесь ещё не сделан шаг к переоценке ценностей, в частности утверждающей множество моральностей и

ценностей. Отрицается сам факт наличия ценности. Но вместе с тем, в рамках содержания антиценности, есть и иная сторона: пустота (пустое) всегда структурно-заполняемое, вмещающее и поглощающее нарративы и значения, которые предоставляются извне. Она носит догматический характер, и лишь как форма она имеет своё основание, но не как содержание. Гегель Г.В.Ф. в парадигме своей диалектики, указывал на обоюдные переходы формы и содержания, отмечая, что форма есть содержание [Гегель, 2022: 281], но и предполагая, что понятие – это форма, но бесконечная и творящая, содержащая полноту содержания и являющаяся его источником [Гегель, 2022: 337]. Но в данном случае, речь идёт о схоластической форме, изолированной от содержания. Установленная как явление перманентное, она удобна, т.к. можно бесконечно дополнять явления в ряд, который будет иметь статус антиценности, независимо от их содержания.

Подобное, несомненно, является удобным механизмом массового потребления. Но почему выбирают для подобного инструмента, механизма, орудия именно слово «антиценность»? Ответом на этот вопрос может быть следующее. Из-за пролиферации моралей (аналогично ницшеанскому многообразию моралей) антиценность возникает как противовес прошлым аксиологическим системам, являясь одновременно симптомом их кризиса. В данном случае наблюдается не только имманентное недоверие к прошлым ценностным системам, но и их оценка как неэффективных и неприменимых к новым полиморфным, ценностным условиям. Антиценность появляется не только как продукт «переоценки ценностей» (девальвация ценностных систем), но и как некая попытка скомпрометировать само понятие ценности.

Кроме того, стоит указать, что в антиценности присутствует отпечаток постмодернистской тенденции аксиологической маргинализации. Для данного философского направления понятие ценности отрицается и девальвируется по причине того, что оно обладает некой значимостью, основанием, самостоятельностью и т.д., что критикуется данным течением. Ценность является пережитком прошлой эпохи (прошлого времени), с которым данное учение констатирует разрыв. Подобно тому как префикс «пост» указывает на преодоление, а соответственно и отрицание модерна, так и «анти» имеет аналогичное назначение, в качестве фальсификации традиционных систем и понятий ценности, а также предполагает отрицательное определение. Негативное отношение и неприятие специфической сложности феномена ценности, в частности деление на положительные и отрицательные, находят свою сатисфакцию в полном уничтожении традиционных её понятий. Можно предположить, что возникает некий внутренний ресентимент, некая фрустрация, не позволяющие принять аксиологический характер этих отрицательных ценностей. Теперь же имеется полная определённости, т.е. есть ценность (обладает аксиологическим содержанием), а есть антиценность (не обладает аксиологическим содержанием). И более нет глубины феномена, ведь всё сводится к пустым и догматичным ценностям и антиценностям.

В вышеуказанном определении антиценности фундаментом является феномен социального. Более того, если рассмотреть ряд явлений, которым приписывается вышеуказанный статус, то они носят в основном социальный характер. Подобная редукция также указывает на диагностируемый современностью кризис, который в действительности является лишь недоверием, к иным сферам: экзистенциальной, моральной, религиозной, духовной и т.д. Данное недоверие связано с непониманием природы, качеств, свойств, специфики ценностей, в частности абсолютных и идеальных их форм, а также из-за потребительских критериев, предъявляемых современным феноменам. Интересно, что «жесткой критики» не подвергаются политическая и экономическая сферы, так как они являются в рамках современного массового сознания синонимами социального. Но и в данной социально-идеологической парадигме невозможно установить дефиницию антиценности, так как не только отрицается аксиологическая область (ценность) в угоду автономии, но и текучее и полиморфное содержание исключают любую определимость.

Проблема взаимоотношения ценность-антиценность и логические операции

Возникает вопрос о взаимном влиянии ценности и антиценности. Возможно, взаимодействие в данном случае аналогично, как у материи и антиматерии. Иными словами, в парадигме концепции симметрии, в частности суперсимметрии, любая частица имеет своего суперпартнёра. Если два противоположных элемента встречаются, то это может приводит к аннигиляции [Фейнман, 2020: 145-146]. При подобном положении вещей объяснялась бы такая «опасность», которая приписывается антиценности. Однако ценности неуничтожимы, не смешиваются друг с другом (образуя новые), не переходят одна в другую (меняя валентность), единственны, целостны и т.д. Исключением могут служить материальные ценности, когда ценность распределяемого блага меняется в зависимости от изменения величины его носителя [Шелер, 1994: 311-312]. В данном случае можно наблюдать прямую зависимость от количества материального носителя ценности и от длительности возможного приобщения к ней. Таким образом, антиценность не может быть выражена оппозиционными характеристиками. Вышеуказанные качества (единственность, целостность и т.д.) характерны для моральных ценностей [Матвеев, 2004: 55-56]. В действительности, можно говорить лишь об актуализации или деактуализации тех или иных ценностей для конкретной ценностной системы или иерархии (пирамиды) ценностей, в частности для индивида. Иными словами, можно говорить об их включении или исключении из иерархии, но не о их уничтожении. Одна ценность не уничтожает другую, поэтому возникает проблематика антиценности: она должна быть ценностью, чтобы иметь отношение с ценностью, или же, принимая её автономию, необходимо признать лишь внешний характер этих связей, а потому не оказывающих внутренних влияний и взаимоотношений. Такая автономия может иметь место в аспекте реализации ценности, на которую могут влиять иные (не аксиологические) факторы. Всё

вышеуказанное ставит под сомнение аксиологическое содержание антиценности.

Решением проблемы взаимоотношения может быть в установлении поливариатичности самой ценности. Подобно тому, как электрон и свет могут проявлять как свойства частицы, так и волны, или как бозоны и фермионы в суперпространстве становятся своими противоположностями (суперсимметрия), так и, возможно, антиценности и ценности есть свойства одного и того. Но такой подход граничит с натуралистической ошибкой, что может привести к потере содержания понятия ценности. Но даже если принять вышесказанное как истинное, то такие качества, как ценностность и антиценностность, будут иметь своим источником именно конкретную ценность. В данном случае хоть и решается проблематика оппозиции «положительное-отрицательное», но актуализируется факт отсутствия автономии антиценности. Критику оппозиции ценностей можно встретить у Ницше Ф. [Ницше, 2018: 10-12]. Непонимание бинарной оппозиции ценностей приводит к редуccionной девальвации ценностей, а именно к искусственному устранению этого «противостояния». Если подобное вполне приемлемо для субъективных аксиологических систем, то в рамках идеалистических и объективных – это прагматическое обеднение, которое может привести к крайностям через процесс исключения качественного многообразия.

Стоит указать, что возникновение феномена «антиценность» имеет казуальный характер. Она появляется на границе столкновения (взаимодействия) двух антагонистичных и радикальных аксиологических систем (иерархий). При этом их встреча происходит в парадигме логической дизъюнкции (логической операции исключающего «ИЛИ»). Это операция, при которой истинно/справедливо «или одно, или другое, но не они оба», т.е. в данном случае категорически устанавливается один верный вариант (или этот, или тот). Закон исключения третьего, вместе с тем, указывает на формальное (внешнее) отношение, но не на диалектическое (внутреннее). Из бинарной оппозиции истинным/имеющимся должно быть только одно. Подобное как раз и является приемлемым для категоричного конформизма и принципа потребительства, в частности простоты и однозначности современности. Эта односторонность, однозначность, категоричность – яркая черта современного человека; должно быть только одно, и только так оно воспринимается, понимается, принимается. Ещё Лебон Г. отмечал односторонность чувств толпы, которая не ведает ни сомнений, ни колебаний [Лебон, 2019: 182]. Подобное распространяется и на парадигму мышления, ведь массовый человек не руководствуется разумом, но лишь своими эмоциями и чувством. Кроме того, односторонность может быть следствием радикальности мышления (в частности, конечного рассудочного), что может исключать вариативность, альтернативы и т.д. Это однородное пространство определённости.

Вместе с тем, принцип исключающего «ИЛИ» теряет свою силу при определённых обстоятельствах, в частности связанных с прагматическими и утилитарными потребностями, или под воздействием внешних условий

(изменение идеологического вектора, социальных условий, корректировка механизмов манипуляции). Его место занимает инклюзивное «ИЛИ», которое предполагает включение обеих оппозиций в «истинность» («И/ИЛИ»). Наличие данной двойной истинности открывает широкий диапазон подстановок и подмен. В действительности, фикция «исключающего», стоящая на первом плане, всегда сопровождается «инклюзивным» в процессе логических операций. Поочерёдная актуализация служит фундаментом «устойчивой» позиции.

Признавая ценность и антиценность наличными и отдельными (истинными в рамках инклюзивного «ИЛИ»), возникает проблематика демаркации. Последнее предполагает наличие границ для обоих вышеуказанных феноменов. Они же в свою очередь указывают не на внешнее отношение, но наоборот, фундируют содержание, которое проводит черту как это и то, нечто и другое и т.д. Эта граница есть внутреннее отрицание одного, а также установление наличия другого. В подобной парадигме определение ценности и антиценности не может ограничиваться лишь собой, и это предполагает выход за пределы. Более того, через другое нечто получает свои границы, т.е. своё качественное содержание. Стоит указать, что вышесказанное имеет и обратную силу. Далее, другое есть нечто, и его противоположность для него становится другим [Гегель, 2022: 194]. И в данном случае, наличествует бесконечный переход одного в другое, бесконечный цикл смен. Подобный механизм лежит в рамках современного потребительского и конформистского мышления. Определённость, однозначность, конкретность – лишь фикция, создаваемая мнимой оппозицией антиценности и ценности. Вышеуказанное аналогично идее Бодрийяра Ж. об иллюзорности политической оппозиции [Бодрийяр, 2015: 141-142]. В действительности, наличествуют лишь пустые формы, которые заполняются необходимым содержанием. Одно и то же может быть как антиценностью, так и ценностью. Таким образом, развитие мысли не идёт дальше. Не происходит снятия внутренних противоречий. И подобно тому, как в отношении нечто и другого через отрицание отрицания восстанавливается бытие [Гегель, 2022: 198] и происходит выход за их пределы, подобное должно наличествовать и в рамках отношения ценности и антиценности. И эта реализация может существовать только в аксиологической парадигме, что отменяет автономию антиценности.

Заключение

Нуминозная ценность, являясь ценностью в наивысшей аксиологической степени, освобождает себя от нравственных систем и схем. Нуминозное не является ни потусторонним, ни неестественным (противоестественным), и таким образом радикальная бинарность разрушается, что приводит к тому, что модели «посюстороннее-потустороннее», «естественное-неестественное» не подходят для установления дефиниции для антиценности. Кроме того, то, что можно было назвать «религиозными антиценностями» (демоническое) являются неотъемлемой частью общей системы, в т.ч. влияющей на социум. Таким образом, сфера нуминозного не подходит для обоснования определения антиценности.

Выявлена социальная доминанта понимания антиценности, которая предполагает неоправданное отождествление с иными сферами (мораль, религия и т.д.). Список антиценностей – это казуальный и эклектичный набор. Им придаётся нравственный примат, наличествует контаминация с отрицательными ценностями, широкий диапазон не позволяет установить дефиницию и критерии демаркации. Кроме того, добавляется эмоциональный и иррациональный компонент, что делает антиценности продуктом современного потребительского общества. Неомания является важным аспектом актуализации её понятия как автономного явления. Антиценность является результатом «изобретения» и «интеллектуального забвения». Она сама по себе пустая, но вместе с тем структурно-заполняема. Кроме того, она является символом кризиса прошлых ценностных систем, как и самого понятия ценность. Вместе с тем, парадигма, что есть ценность (ценностное) и антиценность (отсутствие ценности), приводит к редукции и догматизму.

Взаимоотношения ценности и антиценности не приводят к аннигиляции, уничтожению первой. Наличествует лишь процесс актуализации и деактуализации, но это также устанавливает для антиценности жесткое требование: она должна быть частью аксиологической системы, чтобы вступить с ценностью в отношения, что лишает её автономии.

Концепция поливариативности ценности приводит либо к натуралистической ошибке, либо к сведению к одному общему источнику (ценности), что не помогает определить антиценность. Стоит указать, что инициализация антиценности имеет казуальный характер, и она появляется на границе различных аксиологических систем и комплексов. Взаимоотношение ценности и антиценности в парадигме дизъюнктивной и инклюзивной логических операций не только раскрывает редукцию этих явлений к пустым формам, но и также не даёт основания для дефиниции антиценности. Таким образом, рабочее определение чрезмерно ограничено, имеет прагматичный примат, имеет казуальный характер, а потому не может иметь общеаксиологический характер. Кроме того, религиозная, социально-идеологическая и логическая области не позволяют установить дефиницию для антиценности, в частности в парадигме её радикальной автономии.

Список литературы

- Барт, 2014 – *Барт Р.* Мифологии. М.: Академический проект, 2014. 351 с.
- Бергер, 2019 – *Бергер П.* Священная завеса. Элементы социологической теории религии. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 208 с.
- Боден, 2004 – *Боден Л.* Инки. Быт. Культура. Религия. М.: Центрполиграф, 2004. 255 с.
- Бодрийяр, 2015 – *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2015. 392 с.
- Гегель, 2022 – *Гегель Г. В. Ф. Логика.* М.: АСТ, 2022. 448 с.

Ильина, 2022 – *Ильина В. А.* К вопросу о классификации ценностей и антиценностей / Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. №3(858). С. 46-53.

Кант, 2014 – *Кант И.* Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2014. 736 с.

Кулаева, 2018 – *Кулаева З.Т.* Факторы формирования нравственных ценностей и антиценностей студенческой молодежи / Кант. 2018. Т.2. №27. С. 91-94.

Кун, 2020 – *Кун Т.* Структура научных революций. М.: АСТ, 2020. 320 с.

Лебон, 2019 – *Лебон Г.* Психология народов и масс. М.: АСТ, 2019. 320 с.

Леви-Брюль, 2015 – *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Академический проект, 2015. 428 с.

Лейбниц, 1989 – *Лейбниц Г. В.* Сочинения в 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1989. 554 с.

Матвеев, 2004 – *Матвеев П.Е.* Моральные Ценности. Монография. Владимир: ВлГУ, 2004. 190 с.

Махов, 2006 – *Махов А. В.* Hostis Antiquus: Категории и образы средневековой христианской демонологии. Опыт словаря. М.: Intrada, 2006. 416 с.

Ницше, 2018 – *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла. М.: издательство «Э», 2018. 320 с.

Ортега-и-Гассет, 2018 – *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М.: АСТ, 2018. 256 с.

Отто, 2008 – *Отто Р.* Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб.: АНО «Изд-во С.-Петербург. ун-та», 2008. 272 с.

Паскаль, 2009 – *Паскаль Б.* Мысли. М.: Астрель, 2009. 253 с.

Статья/гайд «25 примеров антиценностей», 2021 – Статья/гайд «25 примеров антиценностей». URL: <https://ru.kouraresidence.com/25-ejemplos-de-antivalores-1195> (дата обращения: 16.02.2024)

Статья/гайд «Антиценности: характеристики, примеры и последствия», 2021 – Статья/гайд «Антиценности: характеристики, примеры и последствия». URL: <https://ru1.warbletoncouncil.org/antivalores-648> (дата обращения: 16.02.2024)

Фейнман, 2020 – *Фейнман Р.* Характер физических законов. М.: АСТ, 2020. 256 с.

Шелер, 1994 – *Шелер М.* Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. 490 с.

Энциклопедия религий, 2008 – Энциклопедия религий. М.: Академический проект, 2008. 1520 с.

Andreyeva, Nazmieva & Nasrtdinova, 2017 – *Andreyeva E. A., Nazmieva E. I., & Nasrtdinova V. M.* Taxonomy of Values and Anti-Values: the Material of the Russian and German Phraseology / Journal of History Culture and Art Research. 2017. Vol. 6, №5. pp. 301-309.

Georgieva-Teneva, 2022 – *Georgieva-Teneva O. Literary Education and War as a Civil Anti-value / Bulgarian Language and Literature. 2022. Vol. 64, № 5S, pp. 11-24*

Ilyina, 2020 – *Ilyina V. Approaches to the values and anti-values meaning description / SHS Web of Conferences. 2020. Vol. 88.*

УДК 141.5

Кононова Е. С.,

*кандидат философских наук, доцент,
Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева*

Бегство человека от субъектности

DOI: 10.33979/2587-7534-2025-1-86-94

Размышления автора в данной статье продолжают серию работ, посвященных современному состоянию философско-антропологической проблематики. На сегодняшний день в рамках интегральной философской антропологии пересматривается традиционно оформившееся понимание некоторых фундаментальных характеристик человека (перед лицом приближающегося трансгуманизма и серьезно предъявившего претензии философии современного натурализма). Так, субъектность рассматривается нами как атрибутивная характеристика человека, определяющая ценностно-смысловой уровень его бытия. При этом в истории философской мысли мы найдем немало примеров отказа человеком от своей субъектности, будь то в скрытой или проявленной форме. Рассматриваются различные формы бегства человека от субъектности, такие как теоретическое и прагматическое бегство. А натуралистический редукционизм представлен как наиболее агрессивная позиция, наносящая удар человеческой субъектности и, как следствие, свободе воли.

Ключевые слова: *философская антропология, субъектность, атрибутивные характеристики, латентная субъектность, свобода воли, фатализм, натурализм, редукция, церебрализм, бегство от свободы, Э.Фромм, Р.Сапольски.*

Kononova E. S.,

*Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Orel State University named after I. S. Turgenev*

Man's escape from subjectivity